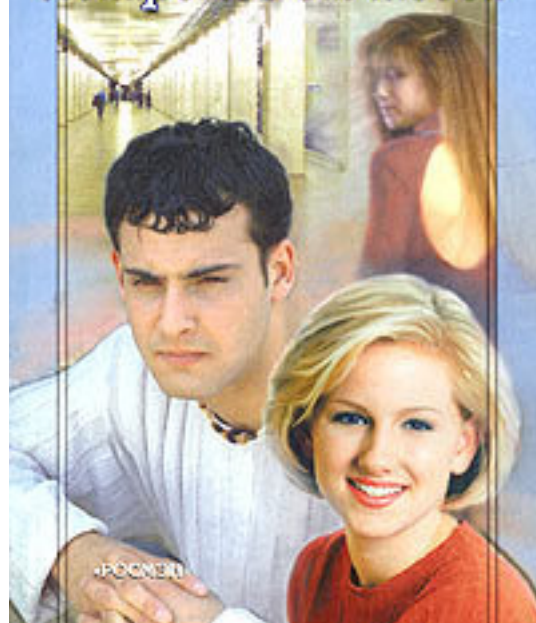

Романы для девочек

Вера и Марина ВОРОБЕЙ

Лекарство от любви

Романы для девочек

Вера и Марина Воробей

Лекарство от любви

«РОСМЭН»

Воробей В.

Лекарство от любви / В. Воробей — «Росмэн», — (Романы для девочек)

Существует ли лекарство от любви? Конечно же! Это новая любовь. Вере, подруге Лизы Кукушкиной, к которой Туся Крылова иногда даже ревновала Лизу, долго не везло в любви. За последний год она дважды влюблялась, и дважды мечта о любви была прекраснее, чем сама любовь. Стас оказался низким обманщиком с собственническими инстинктами, а Ромка, тот как был большим ребенком, так на всю жизнь им и останется. И вот, кажется, Вера наконец-то встретила свою настоящую любовь. Даже строгий отец Веры считает, что Никита правильный парень.

© Воробей В.

© Росмэн

Содержание

1	5
2	7
3	9
4	12
5	15
6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Вера и Марина Воробей

Лекарство от любви

1

Утром Вера проснулась раньше всех. Она встала, убрала постель, приняла душ, быстро уложила короткие волосы феном и отправилась на кухню. Раз уж ей не спится, то почему бы не приготовить завтрак на всю семью, тем более что семья-то небольшая – «папа, мама да я».

«Оладьи с джемом к кофе будут в самый раз», – решила Вера, исследовав холодильник.

Вскоре она переворачивала на сковороде подрумянившиеся оладьи и раздумывала над тем, что каждый дом, словно живое существо, имеет свою душу. Бывают дома живые и теплые, бывают веселые, раздражительные или печальные. Ее дом был холодным и молчаливым. Возможно, и даже скорее всего, он не всегда был таким. Вот только другим его Вера не помнит. Здесь давно уже живут, не делясь друг с другом сокровенными мыслями. Вроде бы вместе, и в то же время каждый сам по себе. И хотя Вера по-своему любила отца, когда в доме случался конфликт, она всегда занимала сторону мамы. Может быть, потому, что мама была менее деспотична и строга, чем отец.

– Твоя дочь взрослый человек. Ей семнадцать. От всего в жизни уберечь невозможно, – говорила она, параллельно размышляя о своих банковско-переводческих делах.

– От чего сумею, от того и уберегу, – отвечал отец и начинал расспрашивать: с кем Вера сейчас дружит, с кем встречается, как проводит время, какие у нее успехи в институте.

К счастью, эти разговоры напоминали летние грозы: они возникали внезапно и быстро заканчивались, не нанося большого вреда окружающим. Но иногда Вера благодарила римского бога торговли Меркурия за то, что у отца собственный бизнес, который отнимает у него двадцать пять часов в сутки. Игорь Андреевич Вяльцев владел косметической фирмой, с успехом осваивающей новые линии производства и зарубежные рынки сбыта. Но как это часто бывает в жизни, то, что у тебя в изобилии и все время под рукой, как раз меньше всего тебе нужно.

Вера, не в пример многим своим сверстницам, редко пользовалась косметикой. Она вообще уделяла минимум внимания своей внешности, наперечет зная все свои достоинства и недостатки. С одеждой была та же история, что и с макияжем. На вешалках в гардеробе теснились платья, юбки, костюмы с яркими заграничными ярлыками, однако Вера предпочитала спортивный стиль и практически не вылезала из демократичных джинсов, джемперов и удобных курток со всевозможными карманами. Так было до недавнего времени. Но две недели назад все изменилось.

Таким же вот солнечным утром, как нынешнее, Вера стояла на родной станции «Улица Подбельского», ждала поезда, чтобы ехать на занятия в академию. И вдруг словно кто-то шепнул ей на ухо: «Обернись!» Она обернулась и увидела ЕГО.

Высокий, стройный, плечистый. Черные как смоль волосы, челка небрежной волной чуть нависает надо лбом и уходит назад, темно-карие глаза, тонко очерченный с горбинкой нос, с правой стороны на щеке и над бровью едва заметные шрамы, какие часто остаются после аварии на машине.

Вера смотрела на него как зачарованная, но едва из-под бровей сверкнули сдержанным любопытством шоколадного цвета глаза, она поспешила отвернуться. И, уже стоя к нему спиной, подумала: «Красивое лицо, волевое. Прямой взгляд говорит о зрелости. И вообще сразу видно: такой не способен на подлость!» К сожалению, ей было с кем сравнивать. За последний год она дважды влюблялась и дважды мечта о любви была прекраснее, чем сама любовь. Стас

оказался низким обманщиком с собственническими инстинктами. Сколько бед он мог бы принести ей и ее близким, если бы не вмешался закон. А Ромка, тот как был большим ребенком, так на всю жизнь им и останется. Теперь он за границей, изучает компьютерную графику.

Подошел поезд. Вера и незнакомец сели в один вагон. Вернее, сначала она подождала, пока сядет он, а потом уже заняла место напротив. Благо была возможность выбирать, как-никак конечная остановка, народу в вагоне немного. Пока немного. Двери закрылись, поезд стал набирать скорость. Вера посматривала на парня из-под полуопущенных ресниц, старалась делать это не часто, чтобы не выдать себя, и гадала, на какой станции он выйдет. Конечным пунктом ее назначения была «Кропоткинская» или «Парк культуры». От парка идти было ближе, но Вера с некоторых пор не любила оглядываться и возвращаться назад, поэтому чаще всего она выходила на «Кропоткинской», а потом шла пешком до лингвистической академии. Так они проехали «Сокольники», «Комсомольскую», «Лубянку»...

Парень широко расставил ноги в потрепанных, но добротных и начищенных до блеска полуботинках, чуть наклонился вперед и уткнулся в какой-то конспект. За полчаса пути он ни разу не взглянул на нее. Вера и рада была бы на него не смотреть, но это было выше ее сил. Он словно магнит притягивал ее взгляд. Иногда его фигуру закрывали люди, толпившиеся в проходе, и тогда она поглядывала на выход, боясь, что прозевает его. Но толпа рассеивалась, и она с облегчением обнаруживала – нет, он не вышел, по-прежнему сидит, читает... На «Кропоткинской», так и не удостоившись ни единого взгляда незнакомца, Вера вышла, а он поехал дальше.

И вот с тех пор она ждет его у входа в метро. Глупость, конечно. Да мало ли мы совершаем этих глупостей на своем веку? Заметив его высокую спортивную фигуру, Вера шла следом. Дальше все следовало по отработанному сценарию. Сначала садится он, затем напротив или чуть наискосок устраивается Вера. Она бросает в его сторону короткие взгляды, размышляя над тем, кто он, что он, а он все это время неотрывно читает газеты или журналы. Потом она выходит, а он едет дальше. Се ля ви, как говорят французы.

2

– О, какие божественные запахи! У меня слюнки потекли. – В кухне появился отец, сонно позевывая. На нем старые тренировочные брюки с вытянутыми коленками.

«А ведь всего через час он преобразится до неузнаваемости, наденет белоснежную рубашку, строгий костюм, шелковый галстук», – усмехнулась про себя Вера. Она была рада его появлению, а то слишком уж увлеклась воспоминаниями. Из-за спины отца выглянула мама в шелковом халатике выше колен.

– Верочка, ты уже встала? – удивилась она, но не слишком (к хорошему привыкаешь быстро). – И завтрак приготовила? Господи, как кстати, умничка моя. У меня сегодня конференция в десять, и я катастрофически опаздываю на маникюр.

Мама Веры работала референтом-переводчиком в иностранном банке, поэтому очень следила за собой. Макияж, прическа, элегантная одежда и неизменная улыбка делают ее моложе своих лет, хотя рубикон сорока еще и так не перейден.

– Тогда ты первая в ванную, – галантно предложил отец.

Мама одаривала его благодарной улыбкой. Вежливо, культурно, сухо до боли в горле. Но Вере некогда раздумывать над этой утренней зарисовкой, ей нужно спешить.

Она выпила кофе, не чувствуя его вкуса, а потом убежала в свою комнату. Перед зеркалом она прихорашивалась внимательнее и дольше обычного. Уж очень хочется предстать перед незнакомцем как можно привлекательнее.

– Ого! – прокомментировал папа ее появление. – Что-то ты, дочка, в последнее время расцветаешь прямо на глазах.

– Так ведь весна за окном, – сказала Вера, застегивая длинную молнию на высоком обтягивающем стройную ногу сапоге. – Природа просыпается от зимней спячки, и мы вместе с ней.

– Кто это мы?

– Человечество, – пояснила Вера, берясь за второй сапог.

Сапожки на высоком узком каблучке, но ничего не поделаешь, ради красоты придется помучиться. И короткая узкая юбка не слишком удобная, зато стильная, мама недавно из Франции привезла.

Мама на миг выплыла из своих мыслей:

– Действительно, Верочка, ты сегодня чудесно выглядишь. А кожа светится, просто атлас. – Она критически посмотрела на дочь, прищурилась. – Тебе бы пошли длинные волосы. Не хочешь подумать над этим?

Вера провела рукой по коротко стриженным, чуть вьющимся волосам удивительного пепельного природного оттенка и рекламным голосом произнесла:

– Короткая стрижка не только удобна и практична, с ней выглядишь современнее, – после чего схватила куртку и выскочила за дверь.

Она торопилась занять пост у киоска.

«Молодец! Сегодня пришел на семь минут раньше, чем вчера», – молча похвалила Вера незнакомца, спеша вслед за ним по эскалатору. На шпильках это было не слишком удобно, но Вера уже смирилась с этим. Кстати, парень был одет довольно просто и непритязательно. На нем была все та же черная дутая куртка, крепкие ноги обтягивали обычные джинсы темно-синего цвета, в руках он легко нес большую спортивную сумку. Шарф, как заметила Вера, незнакомец игнорировал. В распахнутом воротах куртки виднелся воротник темной мужской рубашки. Верхняя пуговица на ней расстегнута и никакого галстука. Одним словом, не офисный вариант.

Расселись как обычно. Он полез в сумку, достал спортивный журнал и отгородился им от всего мира, а Вера принялась созерцать его из-под полуопущенных ресниц. Сегодня она

подбирала ему имя, перебирая в уме: Илья, Марк, Макс, Сергей, Кирилл, Вадим, Владимир, Виталик, Иван... Так ничего не решив, Вера задалась другим не менее интересным и важным вопросом: есть ли у него девушка. Скорее всего, есть, потому что он не стреляет глазами, как другие, в поисках приключений. Ну и пусть, она же не претендует на ее место. Или претендует? Опять вопрос. И опять интересный.

Объявили «Кропоткинскую». Вера было приподнялась и тут же снова опустилась на сиденье. Ничего страшного не случится, если сегодня она изменит привычке и выйдет на следующей остановке. Секунды пробежали быстро, а Вере хотелось, чтобы они растянулись в вечность. Стоя у затемненного стекла, она надеялась поймать его взгляд, хотя бы такой же, как тот – единственный, случайный, брошенный вскользь на перроне. Но он так и не посмотрел в ее сторону.

«Неужели я настолько непривлекательна?» – огорчилась Вера, выходя из вагона.

3

«Ух! Ну наконец-то это мучение закончилось», – подумал Никита, сворачивая журнал в трубочку и запихивая его в сумку. Хоть пару остановок можно проехать нормально, не дергаясь под этими испытующими, украдкой бросаемыми взглядами. Хотя глаза у нее – это нечто! Синие и глубокие, как озера. Чувствуется в них какая-то тайная грусть, которая беспокоит, не отпускает. И вообще настойчивая девчонка, с характером, сразу видно. Сегодня даже проехала на одну остановку дальше, чем обычно. А с другой стороны – стеснительная. Ей лет восемнадцать, а краснеет, поглядывая на него. Даже как-то непривычно. Девчонки сейчас не те, что три года назад, когда его в армию загребли. Любая тринадцатилетка может подойти и запросто сказать: «А не угостите даму сигареткой?» Даму?! А у самой от дамы одно название. Хорошо, что он не курит. «Ноу смокинг», и отвалите, «дама». И ведь даже Чечня не заставила его пристраститься к куреву, хотя там многие парни, нахлебавшись настоящей жизни, не только курить, но и пить по-черному начали. «Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким помрет», – посмеивались над ним в роте. Никита лишь снисходительно улыбался – лично он не возражал умереть здоровым. Лет так через семьдесят. Мысли Никиты, совершив круг, снова вернулись к незнакомке.

Уже две недели это «непонятно что» длится между ними. Она ждет его каждое утро, прячется то за киоском, то за колоннами, только его не проведешь, не зря же он два года в спецназе парился. Нарядилась сегодня ради него, конечно. Юбочка короткая, сапожки модные, чтобы он оценил, значит. Ну, оценил, а что дальше? У нее же на лице написано: со мной или серьезно, или никак. Никита хмыкнул, покачал головой: «Пора с этим завязывать, а то так и заиграться недолго».

И дело было вовсе не во внешности девчонки, внешность для него не имела большого значения, тем более что незнакомку, так настойчиво его преследовавшую, страшненькой не назовешь: нос слегка картинку портил, зато глаза... Взглянешь и обо всем остальном забудешь! А с фигурой у нее вообще был полный порядок. Просто не до серьезных отношений ему сейчас, не до сердечного томления и обременительных переживаний. Любовь делает человека слабым. А он хотел оставаться таким же сильным и уверенным в себе, как теперь. Значит, решено: завтра он выберет другую дорогу. Не обязательно садиться на «Подбельского», можно проехать пару остановок на автобусе и оказаться на «Черкизовской», и не в конце состава, а в середине. Не нужны ему ни красивые, ни фигуристые. Было у него все это до армии, было, но, как говорится, прошло. И потом слишком много дел навалилось, чтобы расслабляться. В университете вот восстановился, к сессии нужно готовиться, работа по вечерам, да и с матерью необходимо что-то решать. Нельзя больше тянуть...

Никита вышел на «Университете», направился было к своему корпусу и буквально нос к носу столкнулся с бывшим однокашником Пашей Сомовым. Крутой парнишка стал. Цепь вон золотая на шее толщиной в палец, одет с иголочки, прилизан и напомажен.

– О, Ник, привет! Какими судьбами здесь нарисовался?

– Да вот, на занятия опаздываю. Я же на мехмате, в МГУ. – Никита взглянул на часы. Друзьями они никогда не были, так что особо задерживаться причин не было.

– Учишься, значит, а я слышал, что тебя в армию с первого курса загребли, – заулыбался тот.

– Отслужил, восстановился, – коротко бросил он.

Сом потирал подбородок, о чем-то думая, и явно никуда не спешил.

– Слушай, а ты своим карате все еще занимаешься?

– И даже более того. Сенсеем стал, инструктором, – пояснил Никита. – Набрал две группы ребят, учу их восточному искусству. – Он усмехнулся. – Сам понимаешь, не ради удовольствия – это мой кусок хлеба на сегодняшний день.

Глаза у Сомы забегали:

– А хочешь его икрой черной помазать?

– Кто ж не хочет? – снова усмехнулся Никита.

На дурацкий вопрос такой же дурацкий ответ.

– Тогда давай с тобой встретимся как-нибудь. У меня к тебе есть одно деловое предложение. Большие баблы можешь на этом деле заработать.

– Деньги мне сейчас очень нужны, в любой валюте, хоть в тугриках, – честно признался Никита.

– Зачем же в такой ненадежной валюте? Будешь в зеленых получать или в евриках. – Сом полез в навороченную куртку, достал визитную карточку. – Держи.

Никита прочитал информацию и не смог скрыть своего удивления:

– Ты, значит, теперь владелец ночного клуба «Этуаль» на «Юго-Западной»?!

– Ну да! У каждого свой бизнес. – Сом расплылся в улыбке. – Позвони мне, не пожалейшь, – сказал он и пошел к припаркованной бээмвушке.

«Может, и позвоню», – подумал Никита и пошел на занятия. Тачки у него не было, а хотелось такую же, как у Сомы. И вообще жили они с матерью по нынешним меркам скромно, ну да еще не вечер, как говорят в народе. Он всего лишь восемь месяцев как на гражданку вернулся. И началась его свободная жизнь с черной полосы.

Никита вспомнил, как возвращался после дембеля полный радужных надежд. У него было все: девчонка, которая ему писала и ждала два года, семья. Он любил Ольгу, знал ее чуть ли не с детства, их так и дразнили в школе – жених и невеста. И первая, к кому он поехал, была она, не родные. Дверь открыла Олина мать и неестественно громким голосом затараторила:

– Никита! Господи, Никита! Я тебя не узнала, как ты возмужал, повзрослел, хорош, хорош! Олюшка, иди скорее, Никита вернулся!

Оля вышла, такая красивая, что дух захватило. Мелькнуло в памяти, как она провожала его, какую они тогда сказочную ночь провели под звездами. «Я буду тебя ждать, – сказала она. – Ведь теперь мы с тобой одно целое».

Он поверил. Планы на будущее строил. На других девчонок не глядел, хотя возможности были. И вот прошло два года.

– Я не могла написать тебе об этом. Меня родители отговаривали, подруги твердили: «Посмотри телевизор, сколько парней с катушек слетают, когда им девчонки в армию пишут, что полюбили другого».

– А ты полюбила?

– Я его выбрала. У него машина, собственная фирма, дом в два этажа. И неважно, что он на пятнадцать лет меня старше. А какое у нас с тобой будущее? – Она криво усмехнулась: – Что ты можешь мне предложить? Рай в шалаше? Может, и так. Только рай в шалаше бывает, если этот шалаш в раю. В общем, у меня через месяц свадьба. А ты, если можешь, прости.

Он ушел. Ведь чувствовал, что в последних письмах что-то не так, а все отговаривал себя посмотреть правде в глаза. А правда – вот она, ее, как шило в мешке, не утаишь. Да, изменилась его Оля. Да и не его она теперь вовсе. Это был первый удар. Ладно. Никита его держал, никому свою боль не показывал. Он решил взяться за ум, по дури ведь с первого курса вылетел. Мнил себя «золотой молодежью». Танцульки с Ольгой, тренировки, сессию, естественно, побоку. Не успел оглянуться, как из университета отчислили. В МГУ это всегда строго. Тут и повестка из военкомата подоспела. Разумеется, годен. И никак не отвертеться – ему к тому времени был присвоен третий дан, черный пояс.

В армии Никита это занятие не бросал, всегда находил время для тренировок. Естественно, когда вернулся домой, решил, что это будет неплохим вкладом в семейный бюджет. Днем на занятиях, вечером мальчишек тренировать. Все подростки помешались на восточных единоборствах. Кто ради удовольствия, кто, чтобы стать сильным и ловким, ну а кое-кто с дальним прицелом. Никите в принципе было все равно, лишь бы родители деньги платили. Его задача – воспитать в них боевой дух, привить понимание честной борьбы, научить владеть своим телом, а там пусть природа с родителями дорабатывают. Он присмотрел зал в школе, арендовал его, пробив в мэрии, затем набрал группу тринадцатилеток. Дело пошло. Никита решил развернуться, добавил набор из ребят постарше. Вроде жизнь стала налаживаться.

Через три месяца в автомобильной катастрофе погиб отец. Для него это был удар. Что же говорить о матери, которая на отца молилась? Сердце у нее не выдержало, в результате обширный инфаркт. Полтора месяца на больничной койке. Только-только начала выкарабкиваться, излечиваясь от душевной боли. И Никита обязан сделать все, чтобы поставить ее на ноги. А ей нужен санаторий, хорошее питание, покой. И все это у нее непременно будет. А девчонки подождут, какие его годы! В конце июня двадцать два всего лишь стукнет.

4

– Значит, этот парень пропал? – спросила Лиза, не спеша отправляя в рот засахаренную ягоду с торта.

– Две недели о нем ни слуху ни духу, – грустно сказала Вера и, криво усмехнувшись, добавила: – Наверное, от меня прячется.

– Ну и дурак, не понимает, от какого счастья отказывается, – принялась успокаивать Лиза.

У Вериной младшей подруги была отзывчивая душа. Они познакомились года два назад при весьма занятных обстоятельствах. Случилось это на кладбище. Лиза пришла туда с намерением приворожить парня по имени Егор, а Вера хотела вернуть свою виртуальную любовь – Мишу. Теперь эти сердечные увлечения в далеком прошлом, о них вспоминалось с улыбкой, зато дружба вот сохранилась. И Вера была этому очень рада, потому что трудно сходилась с людьми. Друзей у нее было мало. В школе ее считали задавакой и белой вороной. В институте сложилась примерно такая же ситуация. Она практически ни с кем не общалась. Кругом только и разговоров что о тусовках, тряпках, парнях на иномарках, а Вере все это безразлично. Она любила читать, любила сидеть у компьютера, вот так поболтать с близкой подругой за чаем.

Вера наполнила Лизину чашку, заодно подлила и себе.

– Бери торт.

– Ага. – Лиза, не ломаясь, взяла кусочек торта и тут же положила его на блюдце. – Слушай, я же забыла рассказать тебе самое главное. – В ее голубых глазах появился лукавый блеск. – Помнишь ту историю, ну, про мой сон?

– Помню, еще бы.

Действительно, Лиза недавно пережила сильное потрясение. Ее чуть не похитили на какой-то машине, а потом во сне ей пришлось бороться с последствиями своих страхов. К чести сказать, она справилась с ними, правда, при помощи своего близкого друга Кирилла.

– Так что там за новости у тебя? – напомнила Вера.

– Это насчет кражи в школе. Ну, те пятьсот баксов, что пропали у нашей француженки. Знаешь, кто их украл? Юрка Метелкин! Представляешь, этот поборник справедливости громче всех кричал: «Да как можно!» И вот, пожалуйста.

– А при чем здесь твой сон? – заинтересовалась Вера.

– Оказывается, все взаимосвязано в этом мире. Ведь Мишка Степанов тогда со мной хотел именно об этом поговорить. У него появились подозрения в отношении Юрки, только он не знал, с кем ими поделиться. А я себя накрутила, что он в меня влюбился.

– Но ты же этому Мишке и на самом деле нравишься, – напомнила Вера, улыбаясь.

– Но не до такой степени, чтобы увозить меня на Венеру!

Подружки переглянулись и одновременно фыркнули. Да уж, приснится же такое!

– А как Мишка об этом догадался?

– Тут вот как все получилось. Игорь, ну новенький из одиннадцатого «А», тот, что к Тусе клеился. – Вера кивнула: помню, мол. – Вот, он ходит на карате в одну секцию с Юркой. Компания там оказалась не слишком приятная. Сенсей ребят больше для разных своих черных махинаций использовал, чем тренировал. Он и Игоря хотел к этому приобщить, травку предложил покурить, в картишки перекинуться. Игорь смекнул что к чему и из этой секции ушел. А Юрка крепко увяз, залез в долги. И вдруг у него большие деньги появились. В общем, Мишка с Игорем оказались правы. Метелкина эта работа.

– И что же ему теперь будет?

– Не знаю. Наверное, ничего. Его мамаша документы из школы забрала, компенсацию Маше предложила. За моральный и материальный ущерб. Француженка и рада, она вообще не хотела раздувать эту историю.

В эту секунду раздался звонок в дверь. На часах было около семи. Подруги переглянулись.

– Твои пришли? – спросила Лиза.

– Как же! Сама знаешь, мои раньше одиннадцати редко дома появляются. А в пятницу и подавно. Мама на какой-то презентации, отец на деловом ужине.

Звонок повторился. Вера пошла открывать. На пороге стоял Нил. Сосед и приятель. Он потянул своим мясистым носом и произнес:

– Пахнет чем-то вкусненьким.

– Входи, – пригласила Вера. – Мы с Лизой чай пьем с тортом.

– С тортом! – оживился Нил.

Как и все мужчины, любил сладкое. И еще он учился на третьем курсе в Ветеринарной академии и был влюблен в Веру. Но сколько Вера ни старалась вызвать в себе ответное чувство к нему, у нее ничего не получалось. «Что поделаешь, не всегда нам удастся вызвать к себе интерес», – поиронизировала над собой Вера, наливая Нилу чай и отрезая большой кусок торта.

– Тебя чего принесло? – на правах соседки и друга спросила она, не замечая неодобрительно поджатых губ Лизы.

– Дело есть на сто тысяч. Не, не баблы занять. – Нил смущенно улыбнулся. Он часто занимал у Веры, чтобы подкармливать зверушек в ветлечебнице. – Так, поговорить надо.

– Тогда я пойду!

– Сиди! – сказала Вера.

– Нет, мне все равно пора. – Лиза поднялась. – Кирилл в восемь придет.

Она попрощалась и ушла. А Вера присела за кухонный стол напротив Нила, уплетающего торт за обе щеки.

– Зачем Лизу прогнал?

– Я не прогонял! – натурально возмутился Нил. – Ты же слышала – у нее свидание.

– Ладно, что там у тебя за разговор?

– Я это, типа, попрощаться пришел, – сказал он, проглотив кусок.

– С какой это радости? – усмехнулась недоверчиво Вера. – Уезжаешь куда-то?

– Не уезжаю, а переезжаю. Спасибо, накормила. Жаль расставаться с такой соседкой, но ничего не поделаешь.

– Так ты серьезно?

– Серьезнее не бывает. – Нил оторвал бумажное полотенце, вытер руки и посмотрел на нее. – Родители прикупили пустую двухкомнатную квартиру в трех кварталах от нас. И так удачно получилось: в соседней квартире семья ищет обмен. Там свои какие-то заморочки. В общем, дашь на дашь. Уже и документы оформлены. Родители хотят стенку прорубить и апартаменты расширить. Было две двухкомнатные, станет одна четырехкомнатная. А может, я еще их от этого капремонта отговорю, и у меня собственная площадь появится. – Нил многозначительно посмотрел на нее. – Нормально, да?

Вера не могла поверить, настолько все было неожиданно.

– Что же ты молчал?

– А чего раньше времени трепаться. В общем, в конце следующей недели переезжаем. Сейчас упаковываемся вовсю. Вот так.

– На новоселье пригласишь?

– А как же! И вообще, надеюсь, ты будешь меня часто навещать. Слушай, а пойдем прогуляемся. Погода классная. Почки на деревьях лопаются, в центре сухо, хоть босиком гуляй.

– Нет, извини, Нил, но мне нужно английский учить.

– Ты же его и так знаешь.

– Как выяснилось, недостаточно.

Вера выпроводила Нила под благовидным предлогом. Гулять с ним – лишний раз давать повод надеяться на что-то большее, а ей не хотелось его разочаровывать. А вот прогуляться захотелось, только одной. Английский подождет, решила Вера, надела легкую куртку, закрыла дверь и спустилась вниз.

Ее путь лежал в центр, где она всегда любила гулять. На ней были изящные полуботиночки на квадратном каблуке и потертые джинсы. После того как Вера перестала встречать по утрам незнакомца, она успокоилась. Сказала себе: «Это было сумасшествие, но оно прошло, ну может, и не совсем, но оно пройдет... должно пройти...» Юбки и шпильки опять уступили место удобным и практичным вещам. Да и лицо без изысканной косметики, если честно признаться, ей самой гораздо больше нравилось. Чуть реснички удлинить, мягкой щеточкой по щекам провести, губы подкрасить, а тени, углубления всякие, подводки, тональные основы, точечные пунктуации – это пусть модели на себе пробуют.

5

Вера бродила по центру уже больше часа. Вначале она погуляла по Александровскому саду, потом вышла на Тверскую. Темнело. Нужно было возвращаться домой, несмотря на то что жизнь в этом великосветском районе только-только начиналась. Вера уже повернула к метро, когда ее внимание привлекла женщина. Рядом с ней шел мужчина. Его рука уверенно лежала на женской талии. Лицо у мужчины было умное, смуглое, с небольшими залысинами на седеющих висках. Но вот они остановились, прильнули друг к другу, женщина запрокинула голову, и мужчина ее поцеловал. А потом они скрылись в дверях «Метрополя».

Нет! Не может быть! Этой женщиной была ее мама! Ее улыбка, ее блестящие светлые волосы, ее счастливое молодое лицо.

Вера почувствовала, как у нее перехватило дыхание. Приступ астмы, испугалась она, но все обстояло гораздо хуже. Ее мучило унижение, боль, а не очередной приступ заболевания, которым она страдала с детства. Задыхаясь от ярости и стыда, Вера бросилась к метро. У ее мамы другой мужчина! Она изменяет отцу! А он, простофиля, ни о чем не догадывается.

Оставшийся вечер Вера металась по комнате, как тигр по клетке. Что она должна теперь делать? Как дальше жить? Молчать и носить в себе эту тягостную тайну или поговорить с мамой? Но как поговорить, когда в семье каждый живет сам по себе.

Не приняв никакого решения, Вера легла в постель. Сон не шел. Она лежала, уставившись в темное пространство, пока около двенадцати не заворочался ключ в замке. По движениям и легким шорохам, а может быть, по аромату духов Вера поняла, что вернулась мама.

Спустя несколько минут она заглянула к Вере в комнату:

– Дочь, ты спишь?

Вера хотела притвориться, что спит, но будто кто-то толкнул ее под руку, она откинула с лица одеяло, села и включила ночник.

– Нет, я не сплю. А ты с презентации вернулась? – едко спросила она.

– Да. – Тонкая мамина бровь взлетела в недоумении вверх. Она не понимала, откуда взялся этот тон.

– Я тебя видела в центре, – сказала Вера. – С тобой был какой-то незнакомый мужчина.

– Ну и что? – Мама заметно смутилась, но быстро оправилась и улыбнулась: – Не могла же я пойти на прием без сопровождающего. Твой отец сегодня занят, и я...

– Ты с ним целовалась, – перебила Вера, недослушав мать.

Лицо у матери как-то осунулось, постарело. Она прошла в комнату, села в кресло.

– Значит, ты нас видела, – сказала она, нервно сцепив на коленях руки. – Но я тебя не обманула. Мы действительно были на презентации. Его зовут Сергей, Сергей Ильич. Он очень милый человек, уважает мои желания.

Вера с трудом сглотнула застрявший в горле ком желчи:

– А как же папа? Ты его совсем не любишь, мам? Ни капельки?

– Я устала жить по его меркам и под его диктовку, – с горечью произнесла мама, не ответив на вопросы дочери.

– А с этим Сергеем Ильичем, с ним у тебя серьезно?

Мать тяжело вздохнула, глядя куда-то вдаль, а потом сказала:

– Сама не знаю. Мы встречаемся не так давно.

– И уже целуетесь...

– Но пока не спим, – жестко парировала мама и, взглянув на Веру, виновато прошептала: – Ты меня осуждаешь, дочь?

– Как я могу тебя осуждать? – подумав, ответила Вера. И сама себе удивилась. Еще недавно она кипела бы от возмущения, а теперь, когда мама так открыто и честно призна-

лась ей в романтической связи, она почему-то готова забыть о своих обидах и негодовании. Может быть, потому, что мама сейчас выглядела потерянной девочкой. – Нет, я не осуждаю, просто... – Вера посмотрела прямо маме в глаза. – Мне кажется, что это нечестно. Все равно что на двух стульях сидеть... – Вера сказала и испугалась – это звучало как приговор. Стараясь приглушить резкость слов, она торопливо произнесла: – Хотя ты не слушай меня, мам. Что я в этом понимаю?

– Ты все понимаешь, дочь. Ты уже взрослая. – Мама подошла, поцеловала Веру в щеку, и она не отвернулась, напротив, обняла ее, прижалась к родному, теплему плечу. – Я пойду спать, я очень устала, – тихо сказала мама и вышла.

А утром отец собирал свои вещи в чемоданы. Вера сидела и молча наблюдала за этой процедурой. Говорил отец. Говорил много и как по писаному, как будто заранее отрепетировал эту речь для нее:

– Мы решили некоторое время пожить с мамой отдельно. В этом нет ничего особенного. Кризис в супружеских отношениях – явление довольно частое в наши дни. Мы оглядимся, подумаем, в любом случае это будет полезный опыт для нас обоих. – Он закрыл чемоданы. Как выстрел щелкнули замки. Отец обернулся к Вере. На его губах появилась слабая улыбка. – Я буду тебе звонить, ты сможешь меня навещать...

– Где? – спросила Вера.

– Я договорился с приятелем. Он дал мне ключи от однокомнатной квартиры своей матери. Временно поживу на «Юго-Западной», потом, может быть, начну искать себе жилье. Не будем загадывать. – Отец поцеловал Веру в висок.

Губы его были сухими и чуть обветренными. Он редко целовал Веру, и от этого прикосновения, такого робкого, забытого и неуклюжего, у нее на глазах вдруг выступили слезы. Вера поспешила отвернуться, чтобы отец не заметил их.

– Ну, я пошел. Да, не ругайтесь здесь с матерью без меня.

– Нет, только при тебе, – пообещала Вера, незаметно смахивая ладонью прозрачную каплю.

Отец вроде бы улыбнулся, оценив ее юмор, а потом подхватил чемоданы и вышел за порог.

Вера осталась одна. Мама заблаговременно сбежала от сцены прощания. В комнате повисла тишина. Но, как ни странно, Вера не чувствовала, что это финал. Как будто отец ушел и оставил дверь приоткрытой. Слезы высохли, не успев пролиться.

А через несколько дней Вера поехала навестить отца на «Юго-Западную». Маршрут в подземке известен – родная ветка. Но когда Вера вышла на поверхность, она растерялась. В этом районе она оказалась впервые. Поплутав немного, она все же разыскала высотку, где теперь обитал отец.

– Нашла?

– Язык до Киева доведет, – сказала Вера, снимая куртку и разуваясь.

– Говорил же, давай приеду за тобой на машине.

– Глупости. Я через парк прошла, а дальше по прямой. А здесь ничего, уютно. – Вера не спеша огляделась.

У этого дома было свое дыхание, старинное, размеренное. И вещей немного: софа, телевизор, журнальный полированный столик, а возле него допотопное кресло с ободранными деревянными подлокотниками.

– Садись, – засуетился отец.

Вера села. Посмотрела на отца искоса: мать просила обратить внимание, как он выглядит. Все же переживала за него. Кстати говоря, отец выглядел неплохо, даже, можно сказать, хорошо. Бодрый, слегка возбужденный, но это и понятно: дочка в гости пришла. А так побрит,

синяков под глазами нет. Новый костюм на нем, чистая голубая рубашка, узел галстука ослаблен.

– Ужинать будешь? У меня китайская кухня. Только подогреть в микроволновке.

– Нет, я поела.

– Тогда, может, кофейку?

– Давай.

Отец пошел на кухню, обернулся:

– А может, коньячку с кофе дерябнем? По глоточку. Армянский, настоящий.

– Можно, – опять согласилась Вера.

Через час она пожалела об этом опрометчивом решении. Отец налег на коньяк, позабыв о кофе.

– Я маму ни в чем не обвиняю, – выговаривал он заплетающимся языком. – Сам виноват, что мы перестали понимать друг друга. Любовь, она, Вера, не вечная. Она только несколько лет огонь поддерживает, а потом, если все это настоящее, то на смену страсти и любви приходит другое чувство: понимание, уважение, если хочешь знать, дружба.

Отец потянулся к бутылке.

– Пап, хватит, а?

– Еще чуть-чуть, горло пересохло, – оправдывался отец. Налил рюмку, выпил и, поморщившись, продолжил: – А что я? Ну что я вам дал? Материальные блага? Да я за ними себя забыл, не то что вас. – Тут отец оперся на руку, пригорюнился. – Бизнес, будь он неладен, затягивает, как болото. Хочется больше, лучше, как в спорте. На личную жизнь времени не остается. Я иногда думаю: черт бы побрал эту перестройку вместе с Горбачевым. Сидел бы себе сейчас на заводе, изобретал бы нужные для великой страны вещи, получал бы законные двести рубликов и никаких тебе проблем и забот о завтрашнем дне... – Отец говорил уже из последних сил, взгляд его стал мутным.

– Пап, давай я тебе лечь помогу, – предложила Вера.

– Лечь – это хорошо, – охотно согласился отец и поднялся, покачиваясь.

Вера подхватила его за талию, помогла дойти до софы, и отец рухнул на нее.

– Ты оставайся здесь, поздно уже, – произнес он сонно.

Вера в эту минуту снимала с него тапки.

Как же, оставайся! Не на полу же ей спать, да и на часах всего-то пол-одиннадцатого. Доедет до дома, не маленькая. Она прикрыла отца пледом, надела куртку и, еще раз взглянув на него, мирно спящего, вышла за дверь.

В темноте все кошки серы, говорит пословица. Так и для Веры все дома и улицы в темноте казались одинаковыми. Она помнила, что сразу же за киоском, стоящим на развилке, нужно повернуть налево и пройти через небольшой парк, чтобы добраться до метро. Вдали темнели кроны деревьев. Вера не раздумывая пошла в том направлении.

Мысли ее были далеко. В голове снова прокручивался разговор с отцом. Они редко так откровенно и спокойно беседовали, чаще правда выплескивалась из них с криком и гневом.

– Смотри какая лялька!

Чей-то издевательский голос вернул Веру в действительность. Она бросила осторожный и быстрый взгляд через плечо. Ее догоняли трое. Вера прибавила шаг. Бежать! Сколько раз ей мать говорила, сколько предупреждала, да, видно, пока не обожжешься, ничего до ума не доходит. А эти типы не отставали:

– Девочка, куда же ты спешишь?

Вера и опомниться не успела, как двое из них преградили ей дорогу, а один остался стоять сзади, чтобы она не смогла убежать. Вера наградила их взглядом: «Мне ли вас бояться, я прошла три концерта „Руки вверх!“» – и попыталась обойти препятствие. Не тут-то было.

– Симпатичная лялька, Хмурый, – сказал один из типов, вырывая у нее сумочку.

- Симпатичная, говоришь? Так чего же она одна гуляет? – Хмурый явно куражился.
- А давайте составим ей компанию, – издевался третий.

Вера обернулась и инстинктивно прижала руки к груди. Вылитый уголовник. Лицо квадратное, стриженный затылок, безжалостные глаза бесцеремонно разглядывают ее.

– Отпустите меня, – попросила она, и самой стало тошно оттого, как жалостливо прозвучал ее голос.

Раньше она не понимала выражения: «Душа ушла в пятки». Сейчас ее душа была именно там, в пятках, маленькая, испуганная, понимающая, что ей не спастись...

– Отпустить, говоришь? – Хмурый нагло улыбнулся, огляделся вокруг. Кругом тишина, ни души. Он качнулся к Вере. От него несло зловонным перегаром, и Вере едва не стало дурно. – Что-то плохо просишь, деточка, – прошипел тип, обхватывая лапищей ее за шею, а другой рукой подбираясь к груди. – Попроси меня хорошенько, и возможно...

– А давай я за нее попрошу! Поверь мне на слово: я умею быть убедительным! – произнес чей-то негромкий, но уверенный голос.

Хмурый отпустил Веру, резко развернулся, загородив от нее спиной неожиданного заступника.

– Ну, проси! – Дружки заржали.

Вера услышала все тот же ровный голос:

– Очень прошу, парни, отпустите девчонку. В вашем распоряжении тридцать секунд.

– Гляди-ка, а ты у нас крутой парень, да? – сказал этот Хмурый, видимо схлестнувшись с незнакомцем взглядом.

– Нет, крутой у нас ты, а я так, паровозный болтик, – насмешливо произнес невидимый друг.

Теперь Вера испугалась не только за себя, но и за него, и в то же время душа ее приободрилась и стала выбираться из пяток. Бандиты перестали обращать на нее внимание. Вера вполне могла бы убежать, но ей это даже в голову не пришло. Она не оставит своего неожиданного спасителя одного против троих. Если понадобится, будет кусаться и царапаться. Ногти у нее о-го-го!

6

– Нет, крутой у нас ты, а я так, паровозный болтик, – насмешливо произнес Никита, прикидывая про себя, сколько времени ему понадобится, чтобы уложить всех троих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.